

*Моему сыну Женечке
посвящается*

■ ЧАСТЬ I

Глава 1

Дождь шел всю ночь. Он шумел, постукивал и, казалось, выматывал всю душу — осенние дожди, знаете ли... Даше не спалось, она бродила по комнатам, долго и жадно пила на кухне воду — холодную, из-под крана. Потом закуривала на балконе и, замерзнув, выбрасывала маленькую тлеющую ракетку. Вернувшись в комнату, застывала перед своим отражением в небольшом настенном зеркале (господи, осунулась-то как за эти два дня!), с размаху бросалась на кровать, тоскливо ждала сна, который не шел, и знала, чувствовала: вот-вот позвонят.

Телефон зазвонил в четыре утра.

— Одевайся, — сухо сказал знакомый голос. — За тобой придет машина.

— Зачем?

— *Она* хочет тебя видеть.

Даша задумчиво положила трубку на рычаг. Хочет видеть — это хорошо. Если человек чего-то хочет, значит, еще есть надежда...

В темноте быстро замелькали глянцевые апельсины фонарей, яркие магазинные вывески, знакомые улицы и повороты. Вот и Смоленская площадь, незаметный двухэтажный особнячок, привычная, тяжело-гранитная мемориальная доска: «Здесь жил и работал академик Петр Петрович Плотников». Интересно, думала Даша, надолго ли сохранится этот дом жилым, после того как Веры Николаевны не станет?.. Говорили, что на особняк давно зарится некая могущественная организация (очень уж удобно расположен, уютен, респектабелен), но жильцов до сих пор не трогали — из уважения к более чем девяностолетней вдове именитого ученого. Не в Бутово же ее перевозить вместе с прочей людской мелочью?! Да и ждать, конечно, оставалось недолго: двадцатый век на исходе, а Вера Николаевна, слава богу, родилась в последнем году девятнадцатого.

Пройдя через анфиладу комнат, Даша тихонько постучала в спальню. Привычного «войдите» не услышала, но словно бы почувствовала: скрипнула кровать, шевельнулся воздух. Бледный профиль на подушке, крупный породистый нос и все еще зоркие, хищные, насмешливые глаза — подумайте только, насмешливые!

— Как вы сегодня, Вера Николаевна?

— Слава богу, хоть сейчас отучилась бабушкой называть. — Голос был, как всегда, немного высокомерен. Сухость у этой семейки в крови. — Какая я тебе бабушка?

— И верно, — весело согласилась Даша. — Никакая. Что

из меня за родственница? Седьмая вода на киселе, внучатая племянница троюродной сестры... А все же ответьте: самочувствие как?

— Скверно. — Ястребиный глаз требовательно и грустно покосился на Дашу. Да-с, теперь таких не делают, и нынешние — как ни стараются — так не смотрят. Вот и сама Даша, как ни силилась обучиться, никогда не могла смотреть одновременно нахально и нежно, пронизательно и наивно. В бабушке же, несмотря на немощность, сохранялись и женская царственность, и какая-то естественная, необходимая надменность. Чего ж вы хотите: Серебряный век, дворянская выучка... Порода, одним словом.

А старуха меж тем продолжала:

— Кажется, все, Дашенька. Нажилась. Пора и честь знать. Последние два дня ни есть, ни пить не могу; и ничего не болит — а не спится, все думается...

Тебе не спится, с легким и саму ее удивившим раздражением подумала Даша. Да вокруг тебя последние два дня никто не спит. Недвижимость! Деньги! Вклады! Антиквариат! Картины Рериха, Левитана, Поленова, Серова, и все, заметьте себе, подлинники... А завещания-то и нет. Семья волновалась, подсчитывала, плела интриги. Сама-то Даша, положим, к дележке этого пирога прямого отношения не имела — слишком уж дальняя родня. Да она никогда на бабкины ценности не зарилась — прямых наследников много. Тем не менее и ей последние дни спалось плохо; нервы были натяну-

ты. Во-первых, бабушка ей совсем не чужая: видеть ее при смерти, знать, что расставание неизбежно, было грустно и тягостно. В сущности, в последние годы только она и оставалась для Даши единственным близким человеком, родственной не по статусу, а по сущности. А во-вторых, от истории со всеобщим ожиданием наследства веяло чем-то давно забытым — драмами нелюбимых сыновей, традициями древнего рода, тайнами и проклятиями русских усадеб... И немножко щекотало, дрожало где-то внутри, за пазухой — не то чтоб очень богатства хотелось (что с ним, интересно, делать? На охрану от киллеров тратить?), а любопытно все-таки, забавно, интригующе.

Так думала Даша, а сама машинально говорила то, что обычно говорят умирающим:

— Полно вам. Не так все плохо. Это осень на вас действует. Дождь целый день, и в окнах серо, потому и настроения нет. А выглядите, по-моему, даже лучше обычного...

И осеклась. Тоскливый взгляд старухи заметался по комнате, рука потянулась и цепко ухватилась за Дашино запястье. Нет, плохо, плохо... Не выдюжит Вера Николаевна, сдастся. Жалко ее. Но и права бабка — пора. Ничего не сделаешь.

— Ты присядь, Даша. Хочу с тобой поговорить... Эти, — она неловко повела головой в сторону закрытой двери, — пусть все делят. Не сердись, девочка: фамильные жемчуга пусть в фамилии остаются. Сама понимаешь: даже если б я

захотела что-то тебе оставить, по судам бы затаскали, загрызли. Ничего плохого не хочу сказать о своих детях: упорны, настойчивы, но... уж очень своего не упустят. Понимаешь, что я хочу сказать? Заждались моей смерти. Да и то сказать, долго ведь ждали. А все-таки не должны бы так открыто, так явно... Но и я им веселый сюрприз приготовила!

Бабушка закричала, заворочалась на высокой постели, и откуда-то из кружевных прощ, из белоснежной кипени подушек и простыней вдруг вынырнул продолговатый узкий сиреневый конверт.

— Это тебе, Даша. Только тебе. — Голос был серьезен и ласков, а глаза смотрели на внуку так пронзительно, что у Даши сжалось сердце. — Ты погоди пока читать. Вот когда все кончится, тогда уж... Клади, клади в сумочку, не смотри на меня так. Спрятала? Ну вот и ладно. Я, признаться, долго раздумывала, не сразу решилась... на такой шаг. Но после поняла, что ты единственная, кто сможет меня заменить... А впрочем, может, я и сама еще сгложусь, а?

Вера Николаевна неожиданно подмигнула девушке и вдруг совсем другим, железным голосом произнесла:

— Нельзя! Ко мне нельзя. Я занята!

Даша вздрогнула, оглянулась на дверь спальни. Та, оказывается, была уже приоткрыта.

— Ты извини, мама, — тихо и вальяжно протянул тот, кто звонил Даше нынешней ночью. — Мы привезли нотариуса, едва сумели уговорить в такую рань. Может быть, начнем?

Вера Николаевна тяжело подняла плохо слушающуюся руку, поправила седые, сбившиеся на подушке волосы. И вдруг, с каким-то обреченным озорством взглянув на Дашу, произнесла:

— Не сегодня, Сережа, прошу тебя. Я не могу сейчас принимать посторонних, тем более мужчин. Я... плохо выгляжу.

* * *

Даже спустя много дней после смерти Веры Николаевны Даша не могла удержаться от улыбки, вспоминая это последнее бабушкино женское кокетство.

Не удержалась, разумеется, в ту вполне драматическую минуту, невольно восхитившись про себя: ну и старуха! И немедленно поплатилась за свой смешок.

— Конечно, конечно, как скажешь. Он подождет. Но, наверное, и Даша тебя уже утомила. Говорил я тебе, не надо было выдергивать ее из дома — еще успеете и навидаться, и наговориться... — жестко прервал их Сергей Петрович.

И уже обнимал Дашу за плечи, уводил, тянул из комнаты, недобро на нее поглядывая и делая вид, что не слышит тихих возражений матери.

В просторной гостиной, там, где матово отсвечивали горки, заполненные старинным фарфором, где хрустальная люстра бросала торжественные блики на огромную дубовую столешницу (как же памяты были Даше нечастые, чинные

Амальгама счастья

семейные празднества за этим столом по случаю бабушкиных именин — в те годы, когда она их еще праздновала!), где по стенам разбросаны были мягкими цветовыми пятнами полотна русских передвижников, — так вот, в этой самой гостиной дядя уютно устроился в кожаном кресле и предложил:

— Садись и ты. Домой ведь не поедешь? Конечно, нет, что я спрашиваю... Вы ведь не договорили.

— Нам не дали договорить, — поправила его Даша. Спротив ей не хотелось — да было и не о чем, а хотелось домой, спать. Но в то же время она понимала: нельзя уезжать, не простившись с Верой Николаевной. Это не было с ее стороны простой вежливостью, это было нежеланием расставаться навсегда без последнего слова, взгляда, прикосновения...

— Ты меня осуждаешь, — не вопросительно, а скорее утвердительно произнес Сергей Петрович. — Наверное, правильно. Но только не надо представлять всех нас в виде акул, хищно ждущих последнего маминого вздоха. Все немного иначе, и мы не палачи, а жертвы...

— Бабушкины? — засмеявшись, перебила Даша. Ее собеседник поморщился.

— Да не самой бабушки, а ее неумной фанаберии, неуправляемой склонности к спектаклям и драматическим позам. Ты же знаешь, завещания нет. Что ей мешало, скажи пожалуйста, сделать все достойно и просто, как люди дела-

ют, как в нормальных семьях принято? Распорядилась бы сама, без истерик и паники, расписала — что кому; слава богу, есть что расписывать. И тебе бы, между прочим, могло обломиться, если б она и вправду захотела тебя облагодетельствовать... И никаких бы обид, никаких трагедий не было. Так нет же, вбила себе в голову, что, как только составит завещание, тут же за ней и смерть придет. Ну смешно же, право слово!

Даша кивнула. И в самом деле смешно. Об этой фантазии Веры Николаевны вся родня знала, все соседи судачили. И, по большому счету, Сергей Петрович прав. Он часто бывает прав — холеный, ладный, подтянутый, все еще импозантный в свои шестьдесят с хвостиком. И смотреть на него, в общем, приятно: воплощение жизненной удачи, лучащегося здоровья, хорошего воспитания... Господи, да почему же ей так неприятно на него смотреть?

«Может, завидуешь?» — ядовито спросил тоненький внутренний голос. Но Даша одернула его строго и уверенно: не в зависти дело. А в чем же?..

А дядя тем временем продолжал:

— Давай, Дарья, мы не будем с тобой разыгрывать пошлую мизансцену под названием «Бедная родственница у постели умирающей в ожидании наследства». Надеюсь, ты человек здравомыслящий и сама понимаешь: завещания нет и, скорее всего, уже не будет. Я свою мать знаю. А не будет завещания — не будет и родственных благодеяний. По зако-

ну все достанется нам, двум сыновьям и прямым наследникам. Ты уж не обессудь: не мы так распорядились... Поэтому давай договоримся жить дальше без взаимной неприязни и необоснованных претензий друг к другу.

Даша кивнула. Прав, прав Сергей Петрович. Претензий у нее и раньше не было, что же касается неприязни, то... А дядя вдруг круто поменял тему и с небрежной, но ощутимой заинтересованностью спросил:

— Кстати, ты внимания не обратила? Шкатулка еще на месте?

Даша рассмеялась, и стало ей почему-то легко, и пропало чувство неловкости перед этим элегантным, уверенным в себе мужчиной.

— На месте, дядя, не волнуйтесь. Все там же, под подушкой, я видела. Целы ваши жемчуга-брильянты.

— Напрасно смеешься, — строго оборвал ее родственник. — И они не мои, они — фамильные, детям и внукам достанутся. Впрочем, тебе этого не понять, у тебя чувства семьи нет и никогда не было — откуда ему взяться?

И правда, кажется, взяться неоткуда. А чувство семьи у Даши все-таки есть и выражается не в стремлении поскорей наложить лапу на наследные драгоценности... Но дискутировать ей по-прежнему не хотелось. Она поднялась, подошла к окну и, отодвинув тяжелые шторы, чуть-чуть приотворила створку. Сырой воздух московского октября ворвался в комнату, тусклый утренний свет как-то сразу обесценил и заста-

вил побледнеть роскошное электрическое освещение, стало ощутимо прохладней, но зато дышалось легче. Чуть поживившись, Даша уткнулась лбом в стекло и застыла.

— Закрой окно, — услышала она недовольный и по-прежнему суховатый голос. — Сама простудишься и дом холодишь.

Она вздохнула и вернулась в кресло. Глупая привычка повиноваться осталась в ней с детства. А ведь, казалось бы, уже не девочка — двадцать семь...

Посидели, помолчали. Даша крутила тонкое серебряное колечко на пальце (ей шло серебро, шли легкие, неброские тона и ткани — «акварельная девочка», как звали ее когда-то сокурсники в архитектурном), отбрасывала назад пепельную прядь волос, привычно тянулась за сигаретой — и вспоминала, что нельзя... Ей казалось, в доме стоят все часы и слоятся застывший, как слюда, воздух; замерли неподвижные темные занавеси; затуманились, словно побледнели, все зеркала. Дом ждал смерти. И ожидание это, повисшее в воздухе, стало наконец столь ощутимым и тягостным, что Даша не выдержала:

— Можно я загляну еще раз к бабушке? Только попрощаюсь и уйду. Мне ведь сегодня на работу.

— Нельзя, — ответил Сергей Петрович. — У нее в это время обычно бывает медсестра — знаешь, давление померить, витаминчики вколоть... А ты вот что, — громко и немало делано вдруг оживился он, — сходи-ка на кухню, сва-

ри кофейку, сообрази что-нибудь на завтрак. Поедим, заглянем вместе к Вере Николаевне, а потом мой шофер тебя подбросит на работу. Годится?

— Не годится, — резче обычного ответила Даша. — Для работы я не одета. Мне нужно привести себя в порядок и хоть немного собраться с мыслями.

— Так ведь еще и семи нет. Не упрямысь, пожалуйста...

И тут из спальни раздался легкий вскрик, шум — и сразу же заговорил весь дом, забежали и засуетились люди, закрипела мебель, разбилась чашка, и тишины больше не стало.

Дом дождался.

* * *

Кофе Даше все-таки пришлось сварить. Она делала это почти машинально: перетирала жесткие зерна в ручной деревянной мельнице, ставила на огонь тяжелый старинный кофейник, искала сахарницу, которой почему-то не оказалось на привычном месте... Бегство на кухню было кстати; ей совсем не хотелось принимать участие в том ритуальном действе, которое разыгрывалось теперь в доме на Смоленке. Хотелось другого: молча посидеть рядом с бабушкой, поддержать ее за руку и запомнить тяжеловатое, родное лицо — еще не успевшее измениться... Но этого было нельзя. Даша отлично понимала, что в этой игре, среди шепотков и коротких всхлипываний, ей нет места, и просто ждала, пока пройдет время

и кто-нибудь вспомнит: «Ой, где-то здесь я Дашу видела, надо ее позвать попрощаться!»

Позвонив в банк и отпросившись на неопределенное время (постылая работа! надутый, недалекий начальник!), она сидела теперь на кухне и вспоминала, вспоминала... Почему так странно устроены люди? Не столь часто приходила она в последние годы к Вере Николаевне. Но когда узнала, что та почти безнадежна — а умирала бабушка не от какой-то конкретной болезни, а просто «от старости», как говорили все врачи, — стала бывать каждую неделю. Они так никогда и не сделались близки как родственники: Вера Николаевна никого не впускала в свой потаенный внутренний мир. Но при этом интересовалась Дашей и ее жизнью всегда. А поскольку она и в свои девяносто с лишним была умна и небывало остра в суждениях, Даша чувствовала: теперь ей будет страшно не хватать этих неторопливых часов в затемненной спальне, жарких споров обо всем на свете и бабушкиных язвительных «барышня» и «помилуйте-с»...

Дашины родители погибли в автокатастрофе, когда ей было двенадцать. И воспитывалась она у той самой троюродной сестры Веры Николаевны, которая вдруг волею судьбы оказалась самой близкой Дашиной родственницей. Девушка хорошо помнила, как мама Лена (так она звала свою воспитательницу) впервые привела ее в этот особняк на Смоленке, где семья академика занимала целый этаж — немыслимая, вызывающая роскошь по советским временам! И Вера Нико-

Амальгама счастья

лаевна, бросив на нее приветливо-равнодушный взгляд, спросила: «Это и есть наша сиротка?» А потом, оглядев Дашу повнимательней, добавила: «Запомните, барышня, красное не носят с розовым — это слишком отдает кафешантаном...»

Дашу бросило в краску, и с неожиданной для себя дерзостью она возразила:

— Это спорный вопрос — сочетание цветов. Например, у Кандинского...

— Даша! — испуганно зашипела ей в ухо мама Лена.

— Нет, нет, — решительно остановила ее хозяйка дома, — это становится интересным. — И, подняв бровь, снова перевела взгляд на девочку. — Барышня увлекается живописью?..

Даша не просто увлекалась живописью — она рисовала часами, чертила, строила целые замки — на песке и бумаге, запоем читала биографии великих градостроителей и мечтала стать художником по ландшафтам. Она им стала, окончив архитектурный институт и победив на нескольких российских конкурсах. Только вот зарабатывать на жизнь любимым делом оказалось невероятно трудно. Муниципальные заказы давались только счастливым избранным. И частными клиентами в ее профессии могли быть далеко не все: многим ли в России нужны специалисты по парковой скульптуре и фитодизайну? А способных оценить Дашины идеи среди них оказалось и вовсе немного, большинство предпочитало дачу «как в журнале» или загородный дом «по типу соседа»...